КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

СКРЕБНЕВ Ю. М.

ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (Обзор трудов Института русского языка АН СССР)

Обращение многих советских лингвистов к языку повседневного неофициального устного общения сформировало новое направление в современном языкознании. Социальная значимость исследования разговорного языка обусловлена не только малоизученностью материала, но и его общественной ролью, не менее важной, чем роль таких традиционных лингвистических объектов, как язык литературного произведения, язык писателя, язык жанра.

Владение разговорным языком — это совокупность умений и навыков, не организованных в виде упорядоченного знания. Система, реализуемая в речи по преимуществу интуитивно, нуждается, таким образом, в описании. Однако до середины XX в. живой язык повседневности систематически не изучался. Лингвисты занимались книжно-литературными текстами и анализировали записи звучащей диалектной речи (или речи носителей бесписьменных языков), не замечая при этом, что обыденная устная речь образованных жителей города весьма существенно (не менее, чем диалектная) отличается от речи книжной. Языковая система, порождающая конструкции *Универмаг сойдете?//, Он сказал придет что//Какой каблук эти туфли красные?//, слова цеплялка, царапалка, открывалка* или произносительные варианты *смари щас буит* (смотри, сейчас будет...), *ки:т бумаги ки:т книги*) какие-то бумаги, какие-то книги), чрезвычайно далека от стандартов, рекомендуемых нормативными описаниями русского языка, и должна изучаться особо. Регистрация и анализ подобных форм имеют серьезное познавательное и существенное прикладное значение — для выявления границ книжно-литературных норм: завтрашний день языка создается сегодня в речевом обиходе. Именно поэтому отрасль языкознания, изучающая систему неофициального устного языкового общения, может быть без преувеличения названа передним краем фронта современных лингвистических исследований.

Ведущая роль в комплексном изучении разговорной речи принадлежит группе сотрудников Сектора современного русского языка ИРЯ АН СССР, возглавляемой Е. А. Земской. Изданное этим коллективом фундаментальное исследование в четырех книгах «Русская разговорная речь» (1973—1983 гг.) не имеет себе равных по масштабам в советской и мировой коллоквиалистике. Чтобы оценить итоги многолетней работы (в группу входят Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильникова, Е. Н. Ширяев, М. Я. Гловинская, М. В. Китайгордская, Н. Н. Розанова), следовало бы детально проанализировать и сопоставить содержание всех четырех книг. В настоя-

щем обзоре осуществимо лишь рассмотрение наиболее существенных положений, их краткая оценка и характеристика эволюции общей концепции разговорной речи (РР) за пятнадцать лет работы коллектива.

Поскольку отдельные книги этой серии сдавались в печать и выходили в свет по мере завершения очередного этапа исследования, распределение материала по выпускам носит отчасти концентрический характер: некоторые проблемы рассматриваются неоднократно, с учетом новых данных и новых идей, о чем будет сказано при описании третьей и четвертой книг.

Первая книга — «Русская разговорная речь» (М., 1973) — вызвала многочисленные отклики в советской и зарубежной лингвистической периодике (не менее семи рецензий), поэтому здесь достаточно напомнить лишь общие результаты первого исследовательского этапа, осуществленного на противопоставлении двух тенденций РР — тенденции к «синкретизму» и тенденции к «расчлененности».

В области фонетики на первом этапе (без обращения к инструментальным акустическим исследованиям) вскрыты следующие закономерности: деформация ударных гласных под влиянием определенного консонантного окружения, градация устойчивости согласных, доминирующая роль в русской РР консонантизма (вокалическая неопределенность, варибельность русского слова вообще и слова в РР — в особенности). С другой стороны, отмечена тенденция к уменьшению консонантной насыщенности речевого потока.

Морфологическая система РР (автор главы — Е. В. Красильникова) характеризуется меньшей расчлененностью, чем морфология КЛЯ (кодифицированного литературного языка). Преобладает полифункциональность морфологических единиц, в чем проявляется тенденция к синкретизму. Противоположную тенденцию иллюстрируют такие отсутствующие в КЛЯ формы, как звательная форма антропонимов в апеллятивной функции — *Пап! Тань!* В РР неупотребительны причастные и деепричастные обороты [используются только адъективированные причастия и одиночные деепричастия (*лежа, сидя*) или деепричастия с отрицанием (*не заходя, не сворачивая*)]. Не используются формы страдательного залога. Таким образом, «морфологический код» разговорного языка менее обширен, чем морфологическая система КЛЯ.

Синтаксису посвящена самая обширная глава книги. Ее авторы (Е. А. Земская и Е. Н. Ширяев) не ставят своей целью охватить все важнейшие синтаксические отличия РР от КЛЯ, а чрезвычайно детально рассматривают наиболее основательно изученные ими синтаксические и синтактико-морфологические явления. Показана, во-первых, широкая употребительность в русской РР конструкций с предлогами и относительными местоимениями (*от кашля, в серой шубе, чем писать*), трактуемых как субстантивные члены предложения, занимающие позицию субъекта или объекта (*От кашля где лежит? Купил только от кашля*). Характерная черта разговорного синтаксиса — ситуативная конкретизация нулевых значений глаголов-предикатов: предложение *Это вы сардельку?*, обычно подразумевающее «едите», ситуативно может означать *выкинули, кладете, вынимаете* (из кипящей воды) и т. д. Русской РР свойственна непроективность фразы. Сложные предложения расчленены: главная предикативная конструкция часто находится в интерпозиции по отношению к зависимой; нередко наблюдается смещение союза в интерпозицию.

Глава «Номинация» (автор Л. А. Капанадзе) трактует ономаσιологические вопросы — выявляет типы обозначения понятий, предпочтительно употребляемые модели слов. Синкретизм в РР широко представлен

семантическими стяжениями с помощью аффиксальной деривации (конденсатами): слова *сгущенка*, *зеленка*, *тушенка* и множество им подобных демонстрируют активность этого способа. Продуктивен прием замены словосочетаний существительным-спецификатором при оцении определяемого: *диплом(ная работа)*, *декрет(ный отпуск)*. Для РР типична нереализация правой валентности глагола — *окончить*, *сдать*, *защитить*. Перечисленные явления показывают синкретизм разговорного языка; расчлененность проявляется в глагольных номинациях: *На балконе сохнет сними пожалуйста!! Поставь из чего пить!!*. Широко используются метонимические переносы.

В приложении дана классификация жестов — незнаковых (ритмических и эмоциональных) и жестов-знаков (указательных, изобразительных, символов).

Во второй книге — «Русская разговорная речь. Тексты» (М., 1978) — авторы опирались «на факты языка, на реально существующие явления, представленные в современной речи высокоавторитетных носителей языка» (с. 3). В качестве информантов привлекались лица разных профессий, что способствовало установлению достоверно всеобщих, а не корпоративных или идиолектных особенностей.

В книге разграничиваются нормы РР и речевой этикет (с. 11). Так, этически допустимы признаковые номинации, относящиеся к третьему лицу: *С бородкой/ему лет сорок!!*. В то же время, указывается далее, этикет запрещает использование их в качестве обращений: **С куклой/подойди ко мне*. Подобного рода обращения используются, однако, в ситуации «городской транспорт»: *С ребенком/пройдите вперед!!*.

Определены жанры РР: «рассказ» (диалогизированный монолог), «собственно диалог» (наиболее распространенный жанр), «разговорные миниатюры», «сопутствующие реплики», «фразы по поводу» (не адресованные собеседнику), «полилог», характеризующийся развертыванием нескольких тем. Своеобразный жанр составляют «домашние и городские стереотипы» — ситуативные клише, прикрепленные к повторяющимся ситуациям.

Языковой материал представлен в соответствии с этой жанровой номенклатурой. Естественно, что записи рассказов, диалогов и полилогов содержательно случайны: их ценность в том, что они демонстрируют специфику формы РР. Пожалуй, еще больший интерес представляют разделы, в которых изображены типизированные речевые ситуации. Характерно, что здесь составители не документируют текстов — вообще не дают сведений о коммуникантах, что вполне оправдано. Эти записи могут служить для изучающих русский язык образцами речевого поведения в определенных ситуациях (магазины, железнодорожные кассы, телефонный разговор). Особое место в работе занимает заключительный раздел «Формулы этикета». Обучающая направленность формул подчеркнута стилистической аранжировкой примеров: *Ой, извини. Извини(-те) меня, пожалуйста — Приношу Вам свои извинения; Не сможешь ли ты... — Прощу Вас — Не сочтите за труд...*

В третьей книге — «Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис» (М., 1981) — акцентируются иные черты РР по сравнению с теми, которые подчеркивались в первой книге (1973 г.). Продолжая считать синкретизм и расчлененность крайне важными для характеристики системы РР, Е. А. Земская выдвигает на передний план соотношение явлений производства и воспроизводства языковых единиц. Это соотношение в РР весьма своеобразно. Система РР имеет большее, чем

КЛЯ, число заполненных клеток: говорящий пренебрегает словообразовательными, морфологическими, номинационными и синтаксическими запретами книжно-литературного узуса. На первый взгляд это свойство РР представляется самоочевидным, но даже очевидность нуждается в констатации. В том, что характеристика свойства была впервые четко сформулирована, — несомненная заслуга Е. А. Земской.

Вторая из трех частей книги посвящена словообразованию — фактически новому аспекту исследования, поскольку проблемы коллоквиального словообразования лишь намечались и бегло рассматривались в первой книге.

Специфику разговорной речи составляет неузуальное, в том числе индивидуальное использование словообразовательных моделей, не только не принятое в книжном языке, но и не свойственное коллективу в речи разговорной. Тем самым словообразование переходит из сферы парадигматических ассоциаций, устанавливающих приоритет производящих форм относительно форм производных, в динамическое свойство речевой деятельности, в своего рода компонент речевого акта. Узуально разговорными являются слова *маршрутка*, *манка*, *газировка*, *точилка* (приспособление для затачивания карандашей), *открывалка* (консервный нож). Неузуальные (оказиональные) образования: *дергалка* (выключатель, который дергают за шнурок), *сосалки* (леденцы), *надевалка* (рожок для надевания обуви).

Неузуальные слова конситуативны: словообразовательный элемент имеет лишь общее значение, уточняемое конкретной обстановкой. Так, слово *макулатуристик*, теоретически могущее означать «приемщик макулатуры» или «плохой писатель» (пишущий макулатуру), в описываемой ситуации имеет в виду сдатчика макулатуры. Слово *стадионщик* не характеризует профессию или иную общественно значимую роль лица: стадионщики на улице — люди, идущие на стадион или со стадиона.

Слова, создаваемые в речевом акте, либо естественно реализуют возможности словообразовательной системы языка (заполняют пустые клетки), либо создаются с нарушением системных закономерностей словопроизводства. В образовании имен продуктивны процессы универбации (*газировка*) и усечений (*маг* вместо *магнитофон*). Характерную черту РР составляет малая употребительность прилагательных в атрибутивной функции.

В разделе «Глагол» (написанном М. В. Китайгородской) интерес представляют наблюдения над словами типа *ликовнуть*, *манипулировать* (с. 133), над специализацией метафорических переносов — *молоть*, *городить*, *звонить* (с. 148), над семантически диффузными единицами — *жахнуть*, *турзучить*, *шваркнуть*, *мотать*, *насобачиться*. Десемантизованы в РР глаголы-диффузы *драть*, *дуть*, *шпарить*, омонимичные «полнозначным» глаголам (с. 156).

В завершающем разделе второй части указывается, что производное слово в РР сближается со словосочетанием и предложением. «Фразеологичность семантики неузуального слова (если она у него есть) заложена в контексте, конситуации, общности апперцепционной базы партнеров данного коммуникативного акта» (с. 189).

Третья часть книги (написанная Е. Н. Ширяевым) — «Синтаксис» — построена на основе учета взаимодействия коммуникационного акта с конситуацией. Выделяются два типа незамещенных позиций: синтаксические и смысловые. В первом случае валентность прямо отсылает реципиента к контексту: *Он экзамены сдал — А она?* Во втором случае сигнализируется только смысл, но не языковая форма: пять информантов, одина-

ково осведомленные в ситуации, вербально по-разному интерпретировали высказывание *Позвони в лес* (с. 190).

Указывается, что на структуру высказывания в РР влияют три фактора: 1) контекст (речевое окружение); 2) визуально-чувственная ситуация; 3) частно-апперцепционная база — индивидуальный опыт. Единство этих факторов составляет «конситуацию». Разумеется, перечисленные факторы характерны не только для разговорной речи, но и для официального устного диалогического общения, хотя установка на официальность исключает употребление экстремально компрессированных высказываний — таких, как в последнем из приведенных выше примеров.

Демонстрируется широкая употребительность в РР бессоюзных полипредикативных высказываний, почти не встречающихся в КЛЯ. *А. А рядом стояла ушла? Б. Рядом предупредила!* (контекст); *Пушистенная какая* (о белке; визуально-чувственная ситуация); *А. Положил? Б. Вчера еще!* (положил книгу — частно-апперцепционная база). Приводятся примеры сложных импликаций: *Пошли мигает* (об автобусе, который свернет в сторону); *Покатаешь?* (к собеседнику, купившему лотерейный билет, по которому можно выиграть автомобиль).

В РР практически любой союз или союзное слово могут быть элиминированы, даже при выражении атрибутивных отношений: *Я ему показал одну икону/у Сони висит!*. Характерно, далее, отсутствие интонационных показателей на стыке (безынтонационная связь): *Он сказал не придет завтра!*; *Я в больницу зуб болит еду!*.

Одним из наиболее важных достоинств книги (в том числе ее синтаксической части) является не только описание употребительных в РР единиц, но и четкая констатация запретов — пустых клеток, имеющих в системе РР: так, в современной РР (в отличие от речи XIX в.) неупотребителен противительный союз *да*, коррелятивная пара *либо — либо*; союз *однако* встречается лишь в речи отдельных лиц.

Именно эта тенденция третьей монографии (как и второй) к четкому противопоставлению типичного, допустимого, разрешенного в РР неупотребительному, нетерпимому, нарушающему ее правила, свидетельствует о безосновательности противопоставления языка разговорного языку книжному (КЛЯ) по признаку кодифицированности. Разговорная речь могла считаться в известном смысле «некодифицированной» (хотя и в ней всегда существовали определенные, пусть не сформулированные, правила) до появления столь подробных (и, фактически, нормативных по направленности), ее описаний, каким является рассматриваемое исследование.

Четвертая книга — «Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест» (М., 1983) — подводящая предварительные итоги многолетней исследовательской работы, возвращает читателя к проблематике первой книги (главы, посвященные фонетике, морфологии, жесту в РР) и содержит новые аспекты, лишь бегло затронутые в предыдущих исследованиях (главы «Лексико-семантические особенности разговорной речи», «Языковая игра»).

В главе I — «Суперсегментная фонетика» (написанной Н. Н. Розановой) — показано, что оппозиция «синкретизм/расчлененность» широко представлена и в суперсегментных свойствах разговорной речи. Повседневное языковое общение демонстрирует контрастирующие тенденции. С одной стороны, богатство просодических характеристик; с другой, — размытость, невыраженность суперсегментных показателей, ослабляемых убыстренным речевым темпом (с. 6).

Разговорной речи свойственна динамическая неустойчивость не только

служебных, но и самостоятельных, полнозначных слов. Для текстов РР характерна высокая степень упорядоченности междуударных интервалов (она несколько выше, чем в текстах КЛЯ). Н. Н. Розанова оперирует данными эксперимента: сравниваются с помощью инструментального анализа магнитофонные записи непринужденной (разговорной) и официальной (лекции, выступления и т. п.) речи одних и тех же лиц. Установлено, что в устных публичных выступлениях большинство слов, независимо от степени важности передаваемой ими информации, ударно (с. 22). Весьма существенно пояснение, что тенденция к экономии (сикретизму) осуществляется не только за счет эллипсиса: нередко элиминация целых слов заменяется ослаблением или утратой ими ударности (с. 20). Интересны наблюдения над «квазисловами» — семантически «пустыми» частицами. Их употребление никогда не сопровождается паузой колебания. Будучи лексически и грамматически избыточными, они (слова типа *вот, значит, говорит*) выполняют важную роль в ритмической организации разговорной речи. Граница такта в РР расширяется. По сравнению с КЛЯ объем текста увеличивается до двух-трех и более слов.

Подвергая экспериментальной проверке распространенное мнение об аллегровом темпе разговорной речи, Н. Н. Розанова учитывает в эксперименте не абсолютный темп, а соотношение темпов официально-публичной и разговорной речи одних и тех же лиц, выступающих в качестве информантов. Априорное положение, таким образом, подтверждено. Доказано также, что количество фонетических деформаций увеличивается с возрастанием темпа.

Глава II — «Морфология» (автор Е. А. Земская) — завершает первый этап исследования, часть которого была изложена Е. В. Красильниковой в книге 1973 г. Подчеркивается, что в морфологическом аспекте разговорная речь меньше отличается от КЛЯ, чем в синтаксисе, фонетике и словообразовании. Основное отличие РР от КЛЯ заключается не в специфическом наборе единиц (хотя некоторые различия, безусловно, имеются), а в специфике функционирования ряда грамматических единиц и в количественном соотношении (т. е. употребительности) грамматических классов слов и словоформ (с. 80).

В морфологическом строе разговорной речи более заметны черты аналитизма — тенденции к выражению грамматических значений не с помощью аффиксации, а за счет контекстуальных средств — сопологающихся слов. Морфология РР более регулярна, знает меньшее число запретов, чем морфология КЛЯ. В РР иные, чем в КЛЯ, типы связи: морфология обусловлена синтаксисом. Смысловые связи превалируют над формально-грамматическими. Отношения между словами выражаются с помощью интонации и простого соположения: *Копеечка не опускайте пожалуйста доплата// Возьми в буфете сыр остаток//* (с. 82).

Аналитизму морфологии РР способствует функционирование в ней знаменательных слов, не имеющих форм словоизменения. Выделены три класса таких слов: 1) предикативы (подразделяющиеся, в свою очередь на междометно-глагольные слова — *бау, ля-ля, бу-бу-бу*; и предикативы оценки — *не ах, того, так себе*); 2) аналитические прилагательные — *спец, гос, академ, гидро*; 3) релятивы (или коммуникативы), выступающие как нечленимые стереотипные высказывания, иногда состоящие из двух и более лексических единиц — *В самый раз! Сила! Ничуть! Не скажи! Идет! Дудки!* Первые два класса — аналоги частей речи (эквиваленты глаголов, прилагательных); слова третьего класса не имеют аналогов среди изменяемых слов КЛЯ.

Отмечено расширение валентностных свойств предлогов, управляющих в РР не только субстантивными словами, но и инфинитивом (*насчет погулять, про помогать*) и предложной фразой (*на после сна, о в гости*).

В глаголе РР более регулярно, чем в КЛЯ, представлены категории переходности (*гулять собаку, лопнуть шарик*) и вида (*наслушиваешься, почерпывать*). Степени сравнения образуются не только от качественных прилагательных (*развернутее, творожнее*). У существительных родовые различия выражаются в коллоквиализмах типа *врачиша, агрономиша: агрономша*. Чрезвычайно характерны для РР транспозиции временных форм глагола: волитивное значение — *я пошел, я побежал*; облигативное — *я пропал, мы влипли*, императивное значение личной формы — *пойдешь, сделаешь, хорошо?*, инъюнктивно-рефутативное — *ты работай / а они кататься будут* //.

Интересны наблюдения над единственным и множественным экспрессивным (*Сосиску дают / с зеленым горошком* //; *Ты книжки читаешь, а мне обед варить* // — множественное неодобрительное). Множественное генерализующее: *Это у Вас собаки лают?* Множественное привычное, без экспрессии: *полы, билеты, экзамены, двери, праздники, гости* (вероятно, множественность в каждом из подобных случаев имеет некоторое реальное обоснование).

В РР более употребительны, чем в КЛЯ, частицы и местоимения; в ней меньше, чем в КЛЯ, прилагательных, наречий и существительных. Из падежных форм имени более часто используется, чем в КЛЯ, именительный падеж. Вообще, как указывается в выводах, для РР характерна высокая употребительность немаркированных членов глагольных оппозиций. Налицо тенденция к своеобразной «деморфологизации» грамматического строя разговорного языка: соположение носителей общих, недифференцированных смыслов, нестрого очерченных лексических содержаний.

В главе III — «Лексико-семантические особенности разговорной речи» (автор Л. А. Капанадзе) — содержатся существенные сведения о специфике словоупотребления, обусловленной свойствами коммуникационного акта в РР (имеется в виду его многоканальный характер). Особую информацию в РР (как, впрочем, и в некоторых устных формах КЛЯ) несут суперсегментные единицы (методика, тон) и другие коды (жестовый, мимический.) Передача значительной части смыслов невербальными кодами отражается на семантике слов. Возникает конденсация содержания: обширная информация укладывается в минимум вербальных знаков — *очень работают, говорила наверху, продолжение про лес* (с. 150). Слово в РР характеризуется «размытостью» (М. В. Панов) смысловой структуры (с. 151). Общая семантическая направленность РР — тяготение к контекстным и конситуативным значениям слов. «С точки зрения жанровой дифференциации, — указывается на с. 167, — наименее ситуационны рассказы и „ситуационны“ в высшей степени — стереотипы разговорной речи, информационный диалог и речевые миниатюры» (примеры, иллюстрирующие эти жанры, даны во второй книге монографии).

Своеобразие разговорной речи придают модальные слова и оценочная лексика. Модус высказывания свертывается в частицу, вводное слово, междометие. Специфика разговорной речи заключается, главным образом, в универсальности значений слов по сравнению со специализированностью значений слов в КЛЯ. Парадигмы в РР могут образовываться из слов разных грамматических классов. Стилистически нейтральные

слова КЛЯ иногда выражают в РР высокую степень интенсивности свойства и становятся словами оценочными.

Предметом главы IV — «Языковая игра» (авторы Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова) — являются случаи, когда «свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное» (с. 172). Авторы видят свою задачу в том, чтобы показать типизированные средства и приемы «языковой игры», реализующей поэтическую функцию языка.

Действительно, обыгрывание языковой формы путем сознательного нарушения законов логики или путем выхода за пределы узуса для достижения комического или экспрессивного эффекта нередко используется в обстановке неофициального общения. Однако вопрос может быть поставлен иначе: относятся ли подобные случаи к разговорному языку, являющемуся объектом исследования? Думается, что они не могут быть отнесены даже к той речевой сфере, в которой функционирует разговорный язык.

Совершая умышленное нарушение общепринятых правил, говорящий переходит на некоторый особый речевой регистр: речь перестает быть для него средством повседневного общения и становится предметом мысли, самоцелью, объектом и материалом пародирования. Только в тех случаях, когда говорящий эксплуатирует возможности языка для экономии умственных усилий (чтобы выйти из цейтнота или заполнить лакуну идиолексикона), перед нами обычная ситуация разговорной речи. Когда же говорящий «играет» и сознает это, рассчитывая на должную реакцию, — перед нами попытка импровизатора создать произведение микрофольклора, которое может быть принято коллективом — войдет во всеобщий обиход, станет речевым штампом. В главе фактически описывается не система русской разговорной речи (разговорный язык), а речевая практика, речевое поведение лиц, обостренно воспринимающих языковую форму, обладающих чувством юмора и творческими склонностями.

Характерно, что предлагаемая на с. 176 классификация приемов языковой игры содержит перечень явлений, каждое из которых фактически не свойственно языку разговорной речи как таковому. Пункт I: «Выбор чужеродных для РР, необычных для нее средств выражения»; пункт II: «Построение единиц своеобразных: 1) по форме, 2) по значению, 3) по форме и значению». Как видим, в первом пункте прямо упоминается «чужеродность»; второй пункт говорит о «своеобразных» единицах: их своеобразии, как свидетельствует весь иллюстративный материал главы, состоит в том, что они либо вообще не входят в коллективную языковую систему РР (индивидуальное, окказиональное словообразование, формообразование и речетворчество), либо (в случае стереотипных, анонимных, но повторяемых многими деформаций) относятся к крайней периферии разговорного языка, к его необщепринятой области.

Как бы ни решался вопрос о лингвистическом статусе языковой игры, глава содержит чрезвычайно интересный и убедительно интерпретируемый материал. Так, к разряду «балагурства» отнесены синтагматические (речевые, текстовые) явления — такие, как прием рифмовки (*хочем и хочем; нейлон какой-то дуракон*), парадигматические явления — фонетические деформации слов (метатеза, протеза, нарушение законов чередования согласных, замена одних звуков другими), «веселая грамматика» (преобразование морфологических форм слова), прием речевой маски — имитация диалектных черт произношения, использование диалектной

или просторечной морфологии (*Куды полта вешать...? Четыре рубли. Не отдохнули. Об себе*).

К «острословию» причислены несколько иные виды игры — прием стиливого контраста (включение штампов книжной речи), пародийное использование особенностей редких фонетических подсистем, словообразовательная игра (например, псевдосовстановление производящей основы — *сыроега, миса, бана, этажера*). Практикуется нарушение законов сочетаемости слов — *на импортном языке; охромела на один зуб*. Непрямые номинации — метафорические, метонимические, перифрастические; прием цитации, в том числе с преднамеренными обрывами, рождающими новый смысл: *А. Ты опять мою ручку взял? — Б. Не шей ты мне матушка //*. Каламбуры, основанные на использовании паронимов — «*Дыры природы: сласти-мордасти*; каламбуры, связанные с переосмыслением — *травка подорожная* (петрушка, кушленная по дороге в магазин); *У него Болдинская осень // он всю осень балдеет //* и т. д.

В некоторых случаях было бы целесообразно отграничить уникальные порождения языковой игры (подобные приведенным в предыдущем абзаце) от общеизвестных, широко используемых штампов (*как повар с картошкой, самосадик я садила; специфичный* и т. п.). Отметим также, что сравнение не следует называть «тропом» (т. е. переосмыслением, переименованием), как это делают авторы (с. 172, 203).

Заключительная, пятая, глава книги — «Жест и структура высказывания в разговорной речи» (автор — Е. В. Красильникова).

Вопреки распространенному мнению о паралингвистических средствах как функционирующих спорадически, восполняющих эллипсис и способствующих достижению однозначности, но не затрагивающих саму основу языковой системы, Е. В. Красильникова считает необходимым проверить взаимодействие системы РР с невербальными системами. Известно, что жест либо приходится на молчание, разрыв в речи, либо накладывается на течение речи. Психологами установлено, что жест, воспринимаемый как накладывающийся на слово, синхронизированный со словом, обычно немного опережает его. Более того, лишь в отдельных случаях жест и слово коррелируют по смыслу. Только иногда жест прямо соотносится с выделенными точками текста (с. 217). Жесты имеют сходство с просодическими средствами языка. Функции расчленения сообщения, выделения ремы на фоне темы и т. д. могут принимать на себя не только незнакомые (см. первую книгу) ритмические жесты, но и другие жесты — самим фактом своего появления (с. 225).

Грамматика жестов есть система без морфологии, тяготеющая к аналитическому типу (приведена ссылка на Т. М. Николаеву). На кинетический жест может накладываться звуковой жест. Жесты изображают (сигнализируют) мгновенность — протяженность действия. Императив выражается «лексически» — специальными императивными жестами (с. 227). Указательный жест выделяет лишь часть пространства, но различия между «это» и «здесь» жест не знает (с. 228). Идентификация предмета (согласно мнению Н. Ю. Арутюновой) часто носит метонимический характер. Существуют жестовые эквиваленты лексики контакта: этикетного — *привет, bravo, пока*, модального — *да, нет, ладно, конечно* (с. 229). Эти жесты соотносительны с релятивами, или коммуникативами (см. выше).

Автор приходит к выводу об определенной степени «прилаженности» вербального и невербального кодов в разговорной речи. Непосредственность общения элиминирует необходимость в специализации собственно

грамматических (языковых) средств. Некоторые грамматические характеристики системы РР обусловлены давней традицией совместного употребления вербальных и невербальных средств.

Завершая обзор, остановимся на трех вопросах, получающих, по нашему мнению, не вполне последовательное решение, несмотря на правильность и своевременность их постановки авторами монографии.

Первый вопрос касается лингвистического статуса объекта. Еще в первой книге (1973 г.) указывалось, что термином «разговорная речь» обозначается не процесс, не акт речи, а «особая языковая система, которая имеет специфический набор языковых единиц и специфические законы их функционирования» (с. 25). В третьей книге (1981 г.) читатель узнает, что термин «разговорная речь» имеет в виду «русский разговорный литературный язык 60—70-х годов XX в.» (с. 5) Намерение авторов-лингвистов описать именно языковую систему, а не процесс порождения текста (речь) представляется единственно верным. К сожалению, на протяжении всей монографии термин «разговорная речь» и аббревиатура «РР» фигурируют в нескольких значениях. Когда рассматриваются используемые в повседневном общении единицы (регистрируются и классифицируются формы реализации фонем, морфемика, лексика, модели словосочетаний и предложений), авторы выполняют обещание, т. е. описывают разговорный язык. Когда же они пишут, например, об allegro-м темпе РР (четвертая книга), имеется в виду не язык, а собственно речевой процесс, речевой акт. Наконец, постулируя в первой, второй и третьей книгах набор экстралингвистических признаков того, что обозначается все той же аббревиатурой «РР», Е. А. Земская и ее соавторы фактически имеют дело уже не с языком и не с речью, а с речевой сферой — с совокупностью условий (социальных и психологических), в которых носители языка пользуются именно разговорной, а не книжно-литературной языковой системой.

Недостаточной строгостью характеризуется также употребление термина «язык». Утверждая в третьей книге этой серии, что в качестве объекта избран «устный, неподготовленный, непринужденный литературный язык» (с. 55), авторы не учитывают того, что к языку как системе не может относиться ни один из первых трех эпитетов. Устной или письменной является не языковая система, а ее реализация; неподготовленной бывает только речь (акт); непринужденной речь (а не язык!) может быть названа только в непрофессиональном, бытовом метонимическом словоупотреблении: для лингвиста очевидно, что речь (и частная языковая система, ее обслуживающая) характеризуется некоторыми собственно лингвистическими особенностями, позволяющими констатировать непринужденность психического состояния и поведения говорящего.

Второй вопрос касается выявления дифференциального признака той сферы, в которой функционирует разговорная речь. Заслуга авторов состоит в том, что они выдвинули в качестве ее важнейшего признака неофициальность. Однако два момента вызывают сомнение. Во-первых, наряду с этим признаком неоднократно упоминается также признак «неподготовленность». Этот признак является избыточным (ингерентным, а не дифференциальным). Хорошо известно, например, что участники публичных дискуссий, докладчики, лекторы отвечают на вопросы и критические выступления без предварительной подготовки, но умение импровизировать в книжно-литературной манере позволяет им давать развернутые ответы, стенограммы которых могли бы быть сданы в печать без правки и редактирования. Эти же люди совершенно иначе говорят

в бытовой обстановке, где литературно отработанная фраза звучала бы претенциозно. Во-вторых, — и это, пожалуй, более существенно, — из характеристик компонентов неофициальности Е. А. Земская считает наиболее значимым параметр «отношения»; менее важен, по ее мнению, параметр «установка» и наименьшее значение имеет параметр «обстановка». Между тем нетрудно показать, что характер отношения между коммуникантами, их соотносительные статусы сами по себе не определяют используемого типа речи. Дело не только в смене ролевых отношений при относительном постоянстве общей социальной иерархии, но и, главным образом, в вариативности речевых намерений при одной и той же ролевой расстановке. Так, участники служебного совещания либо принимают заданный председательствующим (руководителем) тон (официально-деловой или коллоквиальный), либо реагируют на речь руководителя в прямо противоположном стилистическом ключе (в силу привычки или демонстративно). Одни из них, таким образом, контролируют форму речи, другие — выключают контроль или имитируют неконтролируемое речевое поведение. При этом каждому известен его социальный статус, никто не намерен выходить за рамки чисто служебных отношений. Как видим, решающим оказывается не параметр социально-ролевых отношений, а параметр стилистической установки. Отметим, что сама Е. А. Земская чрезвычайно метко характеризует этот параметр не как «наличие установки на неофициальность», а именно как «отсутствие установки на официальность». Различие здесь весьма существенно: разговорно-речевую сферу характеризует именно невнимание говорящего к форме, а не сосредоточенность на соблюдении речевого этикета.

Третий вопрос касается места, занимаемого языком разговорным в системе языка общенационального. Вполне убедительно подтвердив всем материалом своего многотомного труда то, в чем уже на протяжении нескольких десятилетий никто не сомневается, — а именно, теоретическую дискретность разговорного языка как лингвистического объекта и, следовательно, безоговорочную целесообразность и перспективность его всестороннего исследования, авторы монографии неоднократно декларируют и постоянно подразумевают самостоятельность, обособленность, чуть ли не оторванность этого объекта от всего остального русского языка — от всех других его многообразных систем, сугубо условно объединенных в рамках КЛЯ. Только один раз — в главе «Номинация» первой книги, написанной Л. А. Капанадзе, — совершенно справедливо указывается, что большая часть словаря РР содержит лексемы, совпадающие с соответствующими лексемами КЛЯ, и что, таким образом, словари РР и КЛЯ пересекаются (книга первая, с. 406). Между тем совпадение многих единиц РР и других форм языка свойственно вообще всем языковым аспектам, всем ярусам частных систем — фонетическому, морфологическому, лексическому и синтаксическому. Точнее говоря, единицы не «совпадают», не воспроизводят идентичные свойства, а являются общим достоянием РР и КЛЯ.

Авторы монографии описывают фактически только то, что отличает РР от КЛЯ, — и поступают при этом вполне рационально, поскольку именно в описании специфики РР, ранее не изучавшейся, заключается их задача. Вероятно, следовало прямо заявить о том, что объектом описания является специфическая, периферийная область системы русского разговорного языка, а не вся система в целом.

Несогласие с некоторыми исходными положениями концепции отнюдь

не препятствует самой высокой оценке методики исследования и его итогов. Следует констатировать, что в монографии осуществлено развернутое описание специфической части системы русского разговорного языка — тех его форм, многие из которых прежде не регистрировались, не фигурировали в литературных произведениях, реалистически воспроизводящих живую речь, и не попадали в поле зрения лингвистов. Можно надеяться, что даже настоящий беглый обзор закономерностей, тенденций и явлений, обнаруженных авторами, позволяет судить о масштабах выполненного исследования. По научной и, в конечном счете, общественной значимости монография стоит в одном ряду с крупными лексикографическими изданиями или многотомными грамматиками национальных языков. Более того, она выгодно отличается от тех и других новизной объекта: в сменяющих друг друга словарях и грамматиках обновляется лишь трактовка материала, остающегося самим собой.

Труд Е. А. Земской, Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильниковой, Е. Н. Ширяева, М. Я. Гловинской, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой заложил фундамент дальнейшего всестороннего изучения русского разговорного языка. Исследование займет видное место в истории советского языкознания как новаторская работа, научно осмыслившая огромный фактический материал и предложившая наиболее полную из существующих интерпретаций специфики важнейшей языковой системы.